

СКАЗАНІЕ
О
ПЕТРЕ
И
ФЕВРОНИИ

В далёком прошлом, в граде Муром
Лихие были времена,
Князь Павел был тогда на троне,
А Анною звалась жена.

Они бы жили – не тужили,
Но вот беда, но вот вопрос,
Похоже Змей, большой и страшный,
К ним в отношенья кажет нос!

Давайте будем по порядку,
Чтоб не напутать впопыхах.
Князь Павел, делая зарядку,
Заметил Змея в хоромах.

Князь Павел был не робок сердцем,
Да и в бою бывал не раз,
И он стремглав помчал за Змеем,
Что дальше – расскажу сейчас.

Как только Змея он настигнул,
Занёс оружие над ним,
Змей просто Павла перепрыгнул,
А сам – остался невредим!

Что делать, как изгнать злодея?
Зовёт жену он на совет.
И вновь увидел чародея,
Как Павел – князем он одет.

А Анна, хоть и плачет очень,
Но приглашает на обед,
От Змея нет супругам мочи,
Ему бы выломать хребет!

Но как? Скажу вам, что не нашей
Он вовсе крови, не земной!
Сегодня Змей, а завтра краше
Любого принца под луной.

И Павел горе понимая,
Жене своей даёт наказ:
– Ты можешь, Змею наливая,
Вино, конечно, а не квас,

Спросить, как будто ненароком,
Как будто больше про похмелье,
Не склонен ль он к каким порокам,
Где смерть его – в мече иль в зелье?

Княгиня Анна осмелела,
В то время было не до ласок,
И сразу принялась за дело,
Без лишних слов и без подсказок!

Как вечер, в сумерки играя,
По хатам собирав народ,
Трубит отбой, тут из сарая,
Похоже, там был чёрный ход,

Вылазит Змей, ну что за нечисть!
На нем пахать, а он – заметив
Княгиню Анну – хватъ за плечи,
Ведь злой как бес он и кокетлив!

– Вина плесни, моя подружка,
На свете нет меня сильней,
Но знаешь, мне вчера кукушка
Накуковала восемь дней.

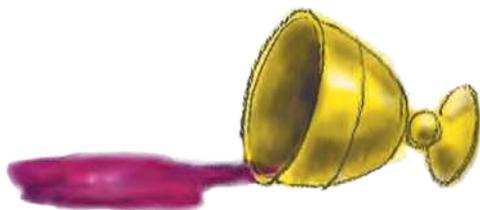
Такого не было в помине!
Меня сразить никто не в силе,
Хотя есть средство... – Да, мой милый?
– Я вижу меч, блестит как иней

В руках честного удальца,
Постой-ка, меч лежит в могиле,
Не помню витязя лица,
Таких не сыщешь и в помине!

– А как зовут богатыря?
– Тот, кто в могиле – вроде Агрик,
А кто с мечом, да на меня...
Я не пойму, почти что мальчик,

Да ты смотри, ведь меч из сказок,
А нет ли здесь у вас Петра?
– Вот, съешь икорочки из вазок,
Да выпей крепкого вина.

Уснул Змеёныш, вот разбойник,
Пыхтит во сне и так смердит!
В бреду, охотчик до попоек,
Сказал секрет – и будет бит.

Пётр, виновник всей поэмы,
Был Павлу брат, как есть меньшей,
Не ведал Пётр всей дилеммы,
Вёл образ жизни – удалой.

И силой был не обделён он,
Разумен был не по годам,
Но то, что будет в граде Муром,
Судить, наверное, не нам.

Князь Павел, Петю обнимая,
Почти не сдерживая слёз,
Про Змея участь объясняя,
Как брату, ставит он вопрос:

– Змей этот – просто воплощение
Людских пороков и грехов.
С таким бороться не могу я –
Сам не лишён дурных оков.

Попробуй, Петя, ты меньшей,
В тебе грехов покамест нет,
Меч разыскать – труд не большой,
Ты чист душой, в тебе тот свет,

Который Змея победит,
В руках энергию копя,
Среди глухих могильных плит,
Найдёшь ты меч богатыря!

Скорее, брат, бери коня,
Сегодня звёзды мне не лгут!
И не забудь: богатыря,
Похоже, Агриком зовут.

За брата – брат, за кума – сват,
Из века в век на том стоим.
И хоть у князя был свой штат,
Уж скачет Пётр в путь один!

Встречает мудрого волхва,
С такими лучше напрямик!
– Что, княже, нужно от меня?
Ты не смотри, что я старик.

В бою бывал и ранен был,
Но знаешь, Бог меня хранил!
Я вижу все твои мечты,
Сам молод был – такой, как ты!

Ты ищешь меч богатыря?
Найти его не мог никто, уже давно,
Но добрые дела твоя,
Найдёшь его ты все равно!

«С чего начать?» – воскликнул князь,
Но волхв умолк, да и уснул.
Князь вдаль взглянул, перекрестясь,
Коня пришпорил, не взгрустнул.

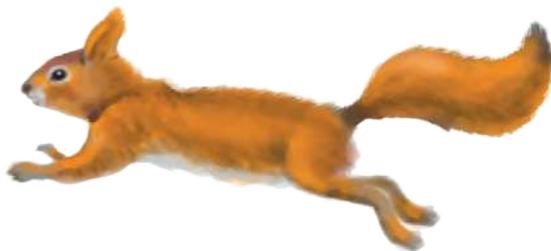
Надежда есть и цель ясна,
А дальше – пусть поможет Бог,
Вдруг белка, шустрая одна,
Вскочила, прямо из-под ног!

А взгляд, ну кто подумать мог,
Понятней слова всё сказал,
И князь, хоть был и очень строг,
За белкой тут же побежал!

И путь сквозь лес, через поля,
Нелегко был, но наш герой,
Смиренно Господа моля:
«Я брату нужен! Я с Тобой!»

Порой теряя белки след,
Порою падая без сил,
Порой не видя белый свет,
Почти дополз и ... – победил!

Нашел погост и там был меч.
Все знают местные зверьки!
«Спасибо!» – к белке молвит речь,
Но бросил взгляд – одни пеньки.

– А где ж помощница моя?
Не испугалась ли меня?
В лесу живя, быть может, здесь,
Боится слышать часто лесть?

Ну, знай, помощница моя,
Я благодарен! – «Здесь судьба
Тебе открылась, а не я!» –
Услышал князь вдали слова.

– С кем говорю? Развей мечты!
– Не белка я, не зверь пушной,
Услышал голос сердцем ты,
Для добрых дел сей меч с тобой!

– А белка? – В Ласково она...
– А это где?
Но – тишина...
Князь тут же вспомнил голос брата –
Ещё немного и тогда – невосполнимая утрата!

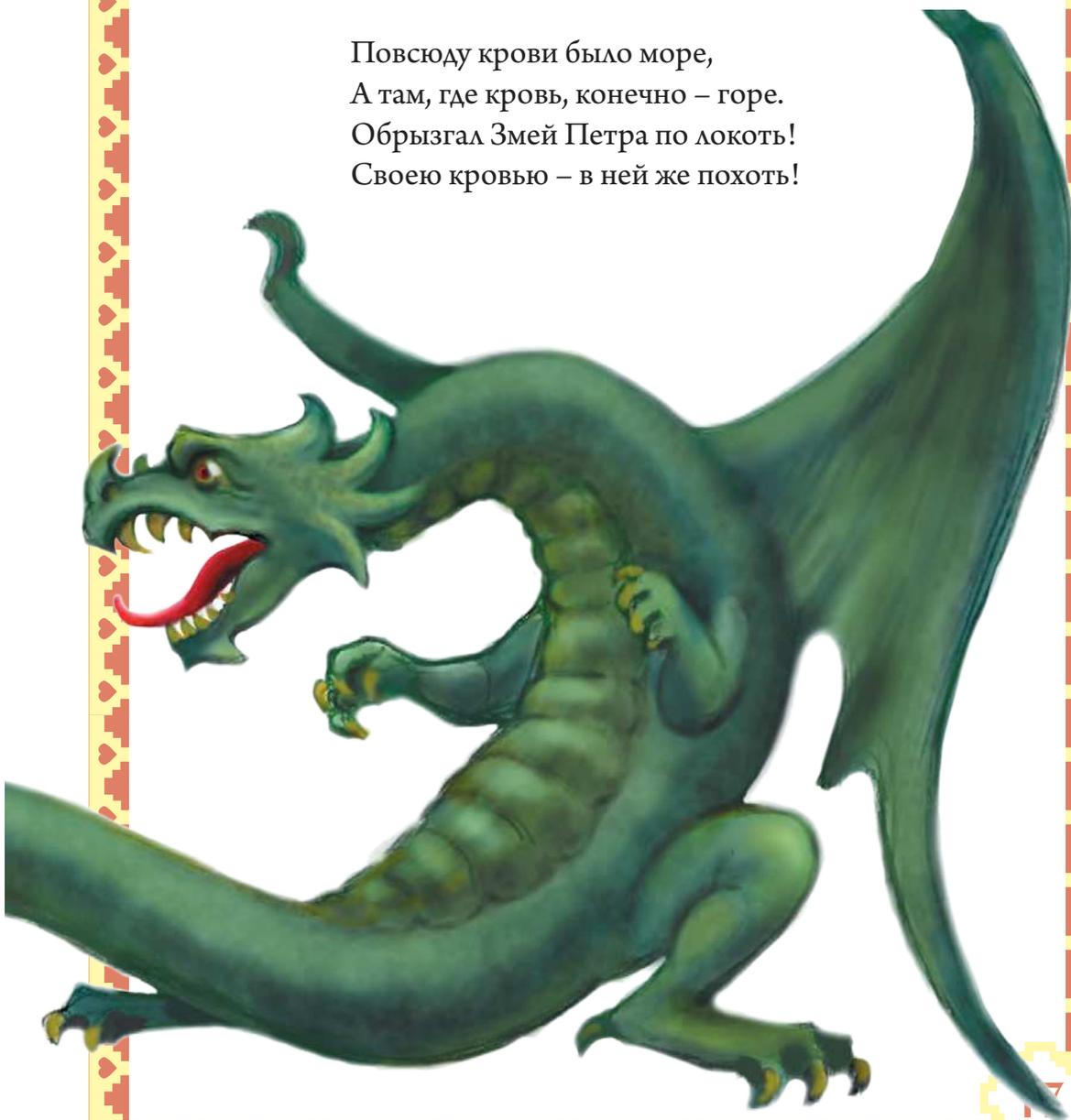
Скакал, как есть, во весь опор,
Но только он вошел во двор,
Всё понял – начал править Змей,
А значит, бить его скорей!

Когда в палату прибежал,
Змей на подушках возлежал.
Ударил Пётр своим мечом –
Одним ударом Змей сражён.

Хвост покатился под кровать,
Хотел без тела удирать,
Но Пётр решил не отпускать –
Мечу велел рубить, кромсать!

Повсюду крови было море,
А там, где кровь, конечно – горе.
Обрызгал Змей Петра по локоть!
Своею кровью – в ней же похоть!

Сначала Пётр не заметил,
Что кровь у Змея не простая,
Пошёл в народ, поклон отвесил,
Но, силы медленно теряя,

Взглянул на руки – Боже правый!
Ведь нет на них живого места!
Все в струпьях – значит, Змей лукавый
Был сделан из гнилого теста.

Наш Пётр слёг. Теперь все тело,
Змеиный источая смрад,
Покрылось язвами. За дело
Взялись врачи – огромный штат.

Князь перепробовал все мази,
Ну хоть бы кто-то исцелил!
Включил заморские он связи,
Итог один – упадок сил.

– За что такое наказание
Меня постигло? – думал князь,
– Лежу в кровати, а в сознании –
Мечтаю: дали бы мне мазь!

Такую, чтоб все струпья разом,
Сгорели, слезли бы на нет!
Ну а сейчас лечебным глазом
Меня исследует весь свет!

Да, собралось врачей немало –
Из разных весей и столиц –
И каждый тянет одеяло –
Мол, самый лучший – падай ниц!

В

итоге в этой катавасии
Князь только время потерял.
Но вспомнил, что в беде, несчастьи –
Всегда друзей он собирал.

Позвал сейчас он друга детства –
Фому – лихого крепыша –
Нет, он не врач – иного средства
Ждёт с нетерпением душа!

– Фома, послушай, дорогой, –
Князь тихо другу прошептал, –
– Я верю, чувствую душой,
Напрасно здесь я пролежал.

Есть исцеление моё. Пстой.
Не дальше дня пути коня.
– Да знаешь, малый я лихой!
Как в детстве, буду первым я!

Сказал и бросился он вскачь.
Куда? Да пусть несётся конь!
И зова сердца тихий плач
Разжёт в груди его огонь!

Ф

ома, молвою окрылён,
Набрёл на тихое село,
Уж не упомнишь всех имён,
Но это – Ласково одно!

Здесь на окраине села
Жила в молитве и посте
Простолюдинушка одна.
О ней узнали скоро все.

За скромный нрав и простоту,
За мудрость, твёрдость, прямоту,
За светлый взор и детский смех
Лечить ей Бог доверил всех!

Февронией была она!
Любила ткать и песни петь,
И вот заходит к ней Фома!
Нескладный, руки словно плетъ.

— **З**десь ходят слухи, что людей
Ты знаешь средство, как лечить,
А князь, уж вот как двадцать дней,
У Бога просит: дай пожить!

Лежит при смерти юный князь,
Вокруг него весь цвет врачей,
И каждый хвалит свою мазь,
Устал весь двор от их речей!

Ведь с каждым днем слабеет князь,
Желтеют, вянут телеса,
Молва гласит, что ты, молясь,
Способна делать чудеса!

— Вези скорей его сюда!
Фома, присвистнул, обомлев:
— Чтоб князь – сюда? Открой глаза!
Пусть он больной, но он как лев,

Как тигр, как ястреб, как жираф!
И чтоб ему катить сюда?!
Уж лучше ты смири свой нрав,
Простая девушка труда.

— Тебя как звать, малой? Фомой?
Так вот послушай мой ответ:
Пусть приезжает в день любой,
Твой князь – сюда, здесь хворых нет!

Здесь я росла, здесь все моё:
И лес, и речка, и поля,
И здесь мне каждый куст знаком,
Здесь от природы я сильна!

Фома не знал, чего сказать,
Как примет князь такой ответ,
Быть может, лучше промолчать,
Чем получить сурово – НЕТ.

Ф

ома вернулся сам не свой,
Ни пьёт, ни ест, молчит весь день,
Наутро, тихий, чуть живой,
Идет, скорей ползет, как тень.

Все рассказал он, не таясь,
– Что взять с девчурки – жизнь в лесу..
Князь оборвал его, крестясь,
– Я еду! Еду! Я – живу...

Фома, конечно, осмелел,
Ведь это ж он нашёл тот дом,
А князь слегка повеселел –
Ушёл из сердца снежный ком!

Князь лёг в телегу и уснул,
Казался тихим и ручным,
Фома всю ночь глаз не сомкнул –
Ведь для Фомы князь был родным!

Наутро – Ласково село,
Вон тот домишко в стороне,
Князь сразу понял – тут тепло,
А вон и девушка в окне.

Фома стучится – бьёт поклон:
Феврония, вот князь – лечи!
У князя денег – миллион,
Но без здоровья – хоть кричи!

Феврония взяла поднос,
На нём сверкнули два кольца –
– Я не могу лечить без слёз,
А силу черпать без венца!

Не стоит мне лечить его –
Ему на сердце тяжело!
А чтоб лекарство помогло,
И чтобы сердце отлегло,

Своё я сердце приложу,
Здесь сила вся в единстве душ.
В болезни князя нахожу –
Он будет жить, но как мой муж!

Фома схватился за косяк,
Лицо похоже на свеклу –
Слуга сдержался кое-как,
Споткнулся в гневе о метлу...

Вернулся к князю – так и так:
– Совсем в глубинке нет ума –
Простолюдинка, так, пустяк,
За зелье требует – тебя!

Князь встрепенулся – в сердце свет
Его встревожил неземной,
Ему понравился ответ.
– Пусть лечит, будет мне женой!

Фома поплёлся сам не свой,
Ответ не смея передать,
Ведь это надо же – женой
Простолюдинку называть!

Слуга решил схитрить слегка,
Чтоб князю не сжигать мостов:
– Как знаешь ты наверняка,
Что скоро будет князь здоров?

– Ты смажь все струпья, но один,
Оставь, пусть Бог хранит тебя!
Вот мазь, кольцо – пусть господин
Теперь Женой зовет меня!

Ф

ома вернулся – пожелтев,
Зато кольцо сверкало сильно,
Князь принял дар, потом, надев,
Сказал: «Намажь меня обильно,

Той мазью, что ОНА дала.
Я верю, в ней мое спасение,
И если буду как скала –
Здоровым – будет ей везение!

Примчусь сюда, чтоб обрести
Покой и радость, мир обычный.
По жизни двум в кольцах идти,
Не в два, а в десять раз привычней!»

Фома вздохнул – не возражал,
Намазал князя вдохновенно,
Один же струп не врачевал –
Боялся деву – откровенно.

Хотел Фома, чтоб был здоров
Его любимый с детства крёстный,
А что женитьба – от оков,
Еще найдется выход сносный.

С тем и приехали домой
Фома – усталый, чуть живой,
А князь – вернулся удалой,
Без струпов, обручён с женой!

Наутро встал, зовет слугу
– Фома, мне лучше, я не лгу,
Вот только вроде обещание
Я дал кому-то на прощание?

– Забудь, пожалуйста на память,
Лежал ты при смерти, в бреду,
Ты мне доверь, как дело справить,
Спокоен будь – не подведу!

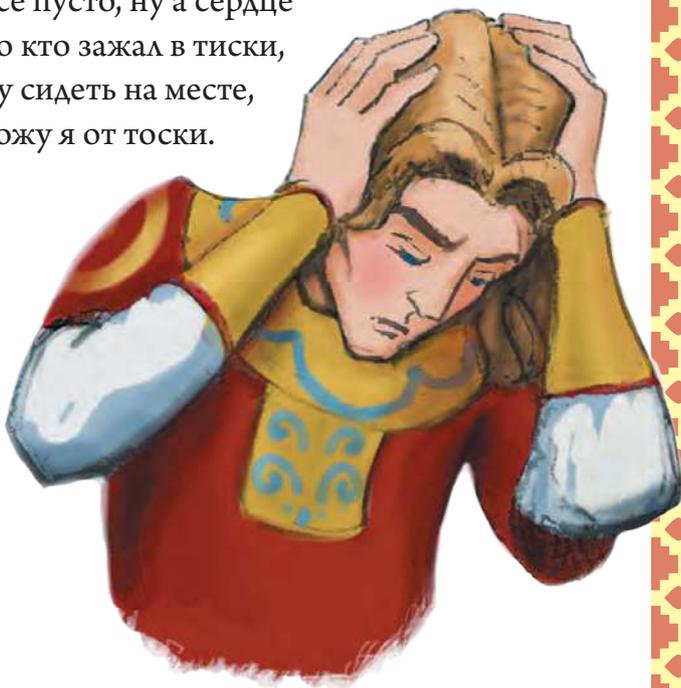
Прошло дня три – и вдруг опять,
Не помогли друзей объятия,
Все струпья стали выступать –
Похоже, сильное проклятие.

Мазь перестала помогать,
Ушла вся сила, без следа,
Князь снова начал увядать,
И во дворце опять беда.

Князь осознал свое падение.
Раз слово дал – держи его!
И тут такое наваждение
Им овладело – ого-го!

Князь тихо шепчет сам себе:
– Ты что же, друг, кривишь душой?
Девчурка вверилась тебе,
А ты, как пёс, удрал домой.

В душе все пусто, ну а сердце
Как будто кто зажал в тиски,
Я не могу сидеть на месте,
С ума схожу я от тоски.

А у Фомы рецепт простой:
– Забудь её, ведь все в порядке,
Здесь знатных дам – наперебой,
Сними кольцо, живи в достатке!

Да за тебя пойдет любая!
Будь то принцесса иль княжна,
А та, из Ласково, простая –
Ты ей не пара, не ровня.

А то, что поддался ты чарам,
Ну что такого? – Был больной.
Чем придаваться разным карам,
Давай закатим бал большой.

Мы позовем всех дам заморских,
К тебе приедет целый мир,
Ты отдохнешь от дел конторских
В кругу принцесс, боярынь, лир!

— **Д**а, я бы тотчас согласился,
Взял бы бумагу и перо,
Созвал бы всех! Но! Утомился!
Мне сердцу больно и... темно!

Ведь я не бегал от сражений,
В бою не раз я побеждал,
А вот житейских наваждений
Я, видит Бог, не избежал.

А снять кольцо труда не надо,
Один лишь миг – и вот оно,
Но, что-то холодно мне стало,
Закрою дверь, а ты – окно!

Постой, мне чудится поляна,
Там моя милая в слезах,
Мое же тело без изъяна,
Здесь же душа – как на гвоздях.

А может, выполнить причуду?
– Ты что, сдурел? Ведь ты же князь!
Враги вылазят отовсюду,
Хотят претендовать на власть.

Жениться надобно с расчетом:
Чтоб увеличить капитал!
И чтобы твой престиж при этом
Врагов и недругов пугал!

— **Т**

ы прав умом, а сердцем – Я!
Там, в Ласково, моё спасение,
Вели скорей подать коня!
Здесь правил нет, есть – воскресение!

Душа ликует у меня,
Как я вернусь к своей пичуге,
Как расскажу ей обо всём,
Ведь приняла меня в недуге!

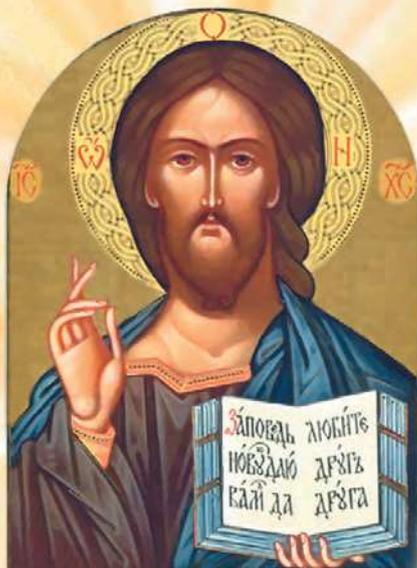
Теперь пусть примет как княжна!
– Ну ты, ей-Богу, помешался,
Ведь вас погонят в дважды два!
– Нет, я и так порядком мялся,

Теперь скачу во весь опор.
Ух, как же долго я решался!
Хочу скорей придти во двор,
В котором с милой обвенчался.

И... князь закончил разговор,
Он поскакал к своей любимой,
Забыв про всё, во весь опор,
Он был юнцом, а стал – мужчиной.

Откинул наставленья – прочь,
Он чуть любовь не опрокинул,
Потом жалел бы день и ночь.
И для истории бы сгинул,

Как множество князей других,
Которых время стёрло в дым!
А здесь, в объятиях родных,
В любви своей он стал святым.

А что потом? Венчание в церкви,
Затем, конечно, пир горой,
Луна и звёзды – все померкли,
Снег летом выпал озорной.

Князь Павел с Анною женою
С любовью приняли чету,
Но старый князь хотел покою,
Он с честью выполнил мечту,

Чтоб в доме сильный был преемник,
Чтоб властен был, но не жесток,
Князь Пётр – лучший был наследник,
И Павл ушел, всему свой срок.

И, Богу душу отдавая,
Возвел Петра он на престол.
А Анна плакала, взывая,
Чтоб взял её, один не шёл!

Вот так всегда, сначала лаской
Чуть засветлеет полоса,
Потом глядишь, там с чёрной краской,
Вдруг надвигается гроза.

Пётр начал править потихоньку,
Завоевал авторитет,
Врагов учил он полегоньку,
С друзьями был же тет-а-тет.

Собрал однажды князь пирушку,
Дружина – как один кулак,
Недавно выиграл войнушку
Ведь битва воину – пустяк!

Пирует князь, не сняв кольчуги,
Да, много подвигов у них.
Вдруг кто-то вспомнил о супруге,
– Князь, не печалься, что ты стих?

– Не знаю я, но вот молва!
Порочит горлицу мою!
Все говорят, что не чета,
Кому я сердце отдаю?

– Князь, перестань, ты оскорблён?
Кто мелет – может быть, враги,
Да среди всех боярских жён
Уж столько лепят чепухи...

– Мол, крошки со стола сметает
Моя избранница порой.

– А ты проверь, и кто болтает
Краснеет пусть перед тобой.

– А что – идея неплохая,
Зову сейчас же всех за стол!
И там посмотрим, наливая,
На что способен слабый пол!

Пришла вся знать того селения,
Сверкают бусы, жемчуга,
А князя скромная супруга,
Как в храм одетая пришла.

Эх, глаз лукавый всё смекает,
В конце обеда, втихаря,
Его избранница сметает
В ладошку крошки. «Пойман я!» –

Князь удивился не на шутку:
– Скрываешь, солнце, что от дам?
Всем на секунду стало жутко –
Пахучий ладан спрятан там!

Ну вот, краснеть, похоже, нужно,
Всем разнаряженным в шелки,
А кто прекрасен не наружно,
Все сплетни для того мелки.

Ж

ену князь обнял как невесту,
Хотел он с ней пуститься в пляс,
Но понял: это все не к месту,
В руках звезду держал сейчас!

А всем присутствовавшим дамам,
Уже румяна не нужны,
Всех потянуло сразу к храмам,
Пусть примет Бог часть их вины.

Они привыкли к разносолам,
К обилью пищи, не к посту!
А что могло бы быть уколом,
Лишь подчеркнуло красоту!

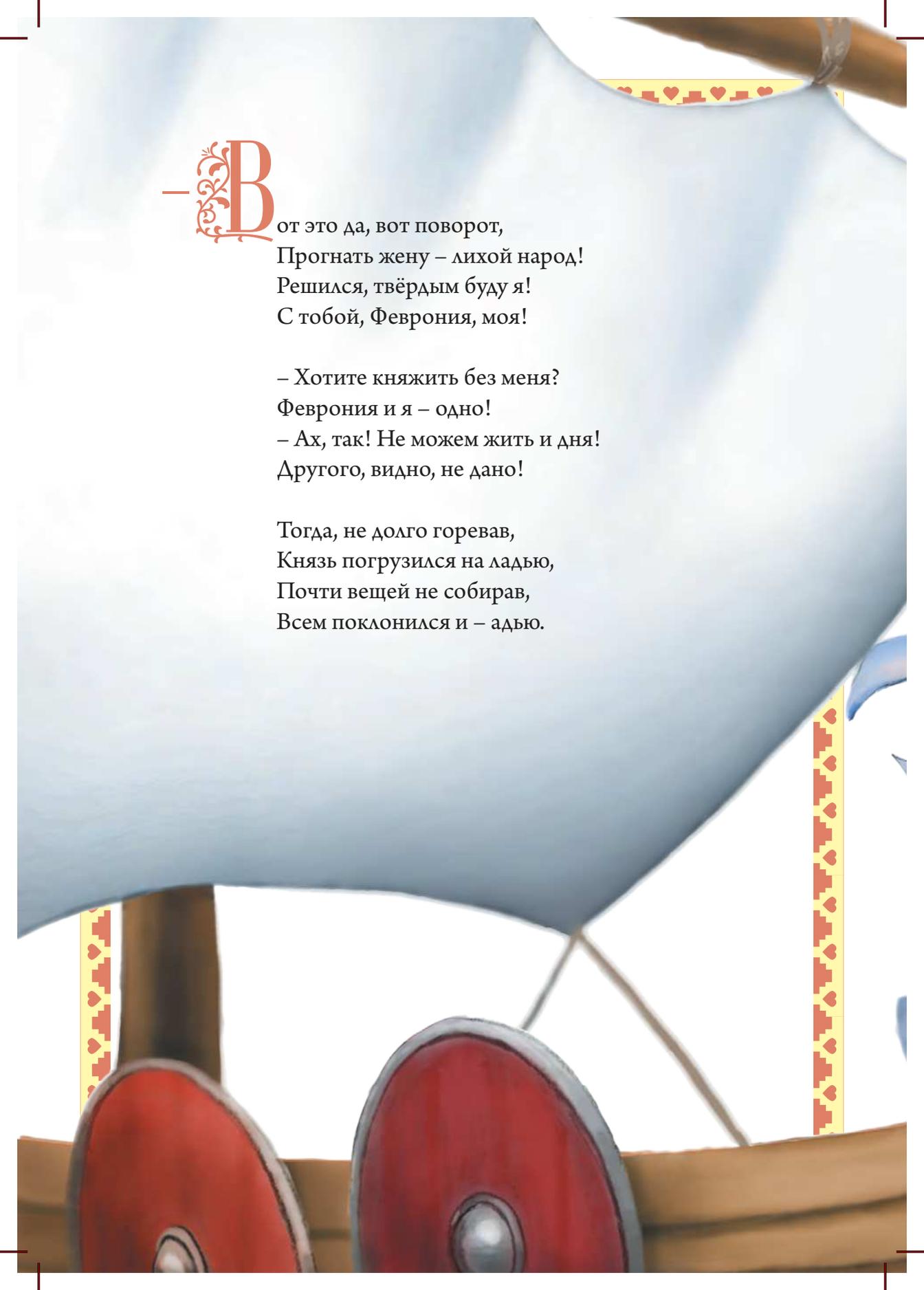
С тех пор всегда старался князь,
Супругу слушать, не ленясь,
И даже сложных споров вязь,
Жене доверил, не таясь.

На это сразу же вопрос
Возник в умах, похож на жабу:
– Мы видим, князь уже подрос,
Но не хотим в советах бабу!

Что делать, в Муроме тогда
Князь правил вроде монархично,
Но не гнушался иногда
Поговорить со знатью лично!

Все ополчились, грех твоя,
Кричат – теперь нам стало худо!
А все Феврония твоя!
Пусть убирается отсюда!

The background of the page is an illustration of a wooden boat. A large, white, triangular sail is attached to a wooden mast. The sail has a decorative border at the top and bottom consisting of a repeating pattern of red hearts on a yellow background. In the foreground, the tips of two red shoes with silver buckles are visible, suggesting the perspective of someone sitting in the boat. The sky is a pale, light blue.

— **В**от это да, вот поворот,
Прогнать жену – лихой народ!
Решился, твёрдым буду я!
С тобой, Феврония, моя!

– Хотите княжить без меня?
Феврония и я – одно!
– Ах, так! Не можем жить и дня!
Другого, видно, не дано!

Тогда, не долго горевав,
Князь погрузился на ладью,
Почти вещей не собирав,
Всем поклонился и – адью.

Конечно, с ним жена – певец
Простых и сложных его дум,
Что жизнь – пройдет, для двух сердец –
Важнее вечность, а не шум!

С собою взял он прежних слуг,
Один – высокий был такой,
Но только Пётр уснул, как вдруг
Стал встреч искать с его женой.

Феврония всё видит ясно,
Её лукавством не пронять,
Ему вопрос: «Глядишь – опасно,
Не хочешь ли меня обнять?»

А лучше вот – возьми-ка кружку,
Да справа зачерпни воды.
Простая? Эх, нашел подружку!
А слева? Та же – знаешь ты!

Со всех бортов вода простая,
Так и плотское естество,
У самого жена – крутая,
Схлопочешь дома – видишь – ВО!>

Удрал, как заяц, он вприпрыжку,
Куда же спрятать взор – не знал,
Прочла Феврония, как книжку,
Его желаний пыл, накал.

Тем временем пристали где-то,
В лесу пустынном и сыром,
Зажгли огонь, уже не лето –
Как выживать в краю таком?

В

итоге ночь прошла спокойно,
Грел пламенем своим костёр,
Как только люд вздремнул довольно,
Из Мурома прибёг дозор.

– Нам Пётр нужен, дюже срочно,
Без Вас в столице сыр да бор!
Все лезут править – это точно,
А там, где все – там перебор.

Мы просим Вас, великий княже,
Вернуться с милою женой,
В столице Муром быть на страже
Покоя, мира, как герой!

Князь Пётр с женой переглянулись,
В них злобы нет – не по годам!
И в тот же день домой вернулись,
Здесь Богу славу я воздам!

С тех пор в столице – знамо дело –
Никто не лезет на рожон!
Князь правил долго и умело,
С одной, мудрейшей из всех жён!

ЭПИЛОГ

Когда же старость наступила-
Всем на земле приходит срок,
В монастыри ушли - что было,
Как знак, судьбы земной итог.

Князь Петр, чувствуя, приходит,
Его земным стезям конец,
Послал к Февронии - пусть проводит,
Здесь на земле он нежилец ...

Феврония хотела с мужем
Предстать пред взором Судии,
Ни дня одна прожить не сможет:
« Пстой, князь Петр, не уходи!

Сейчас дошью Творца икону,
Последний сделаю поклон,
Пойдем мы вместе к Его трону,
Пусть нас не судит строго Он!»

Вот так, ушла, держась за руки,
Святая русская чета,
Им память, царство без разлуки,
И честь на многие века.

КОНЕЦ

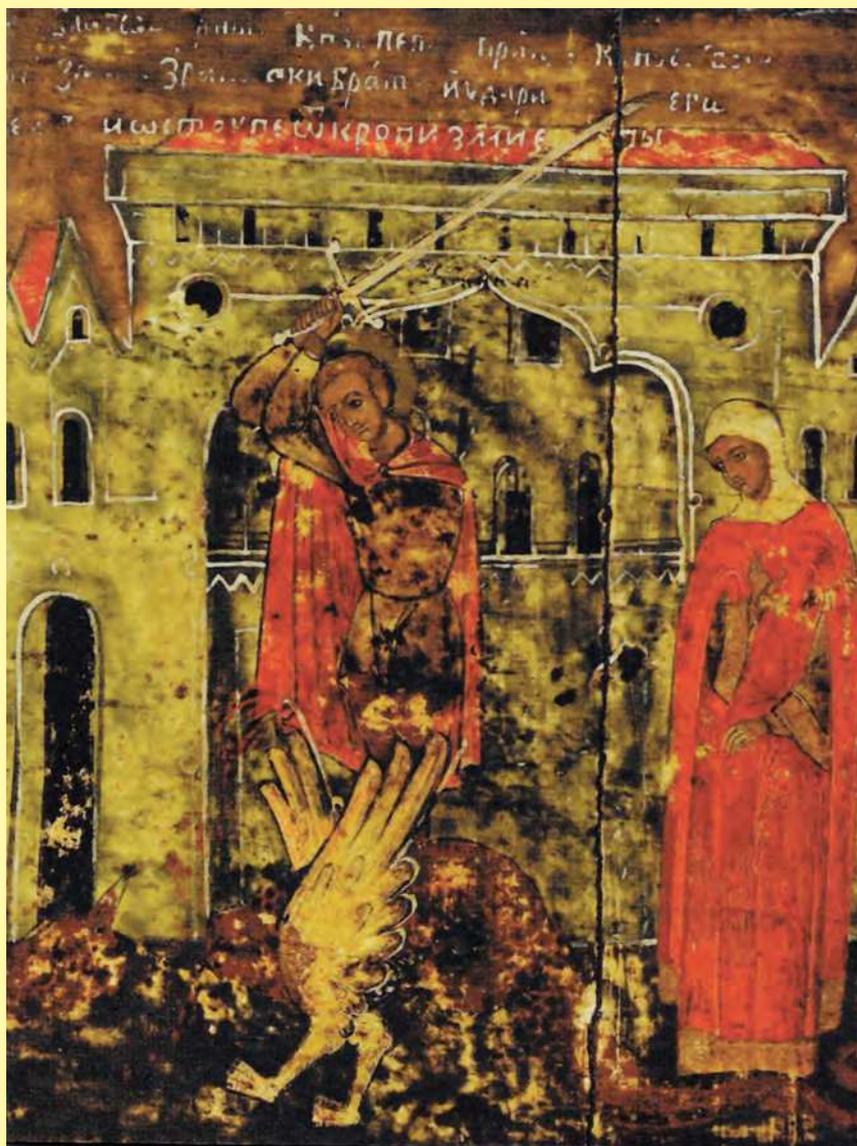

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫХ
КНЯЗЯ ПЕТРА
И КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ
МУРОМСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ

Князь Павел... князь Пётр - В науке утвердилась точка зрения: под именами Павла и Петра (не упомянутыми в летописных источниках) подразумеваются исторически, реально существовавшие князья. Учёные предполагают, что ими могли быть братья Владимир и Давид, которые княжили в Муроме с 1175 г. После смерти старшего брата Владимира (+1203г.), а согласно тексту «Повести...» - Павла, на княжеском престоле остался Давид, в Житийной «Повести...» действующий под именем Пётр (+1228г.).

Есть в Русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что злой крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И волшебством своим перед ней он являлся таким, каким был на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто это сам князь сидит со своей женой. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала о всем, что с ней произошло князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю — как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведает ли этот злодей сам — от чего ему смерть должна приключиться? Коли узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от злосмрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в

Икона «Святые благоверные князь Пётр и княгиня Феврония Муромские, с житием». 1618 год. Муромский музей.

Клеймо 4. Святой князь Пётр побеждает змея.

будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем уми-
лостивишь». Слова мужа своего жена накрепко запечат-
лела в сердце своём, и решила она: «Обязательно сде-
лаю так». И вот однажды, когда пришел к ней этот злой
змея, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращает-
ся к этому злодею с льстивыми речами, говоря о том и о
другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спраши-
вает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть
свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обман-
щик, обманут был простительным обманом верной жены,
ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал:
«Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова
меча». Жена же, услышав эти слова, накрепко запомни-
ла их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала
князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же,
услышав это, недоумевал - что значит: смерть от Петрова
плеча и от Агрикова меча? Князя был родной брат по име-
ни Пётр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить
ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же
Пётр, услышав от брата своего, что змей назвал того, от
чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать,
без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно
смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.
Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквам.
А за городом стояла в женском монастыре церковь Воз-
движения Честного и Животворящего Креста. Пришел
он в неё один помолиться. И вот явился ему отрок, гово-
ря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он
же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу,
где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И по-

казал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Пётр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему о всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея. Каждый день Пётр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей, в другие покои, и увидел, что брат его у неё сидит. И, пойдя от неё назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю и удивляюсь, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Пётр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушёл и, нигде не задерживаясь, пришёл в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришёл раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Пётр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с Божьей помощью будет убит лукавый этот змей». И, взяв меч, на-

зывается Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Пётр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

Прослышал Пётр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришёл он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошёл он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станом сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц. И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаимы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу

уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаймы плакать, про брата же сказала — «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришёл ты в дом этот, и в горницу мою вошёл, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пёс, то учуял бы, что ты к домуходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребёнок, то увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что они пошли взаймы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаймы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мёд собирают. И сегодня брат мой пошел бортичить, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошёл сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя своё». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. По-

этому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!» Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему о всём, что видел и что слышал. Благоверный же князь Пётр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово моё: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Пётр с пренебрежением отнесся к словам её и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жёны!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму её себе в жёны». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на неё и сказала: «Пусть князь ваш помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп

пусть оставит непомазанным. И будет здоров!» И принесли князю эту мазь. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слышал о речах её от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я лечиться буду». Слуга принёс Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв с грядки поленце, принеси сюда». Он, послушав её, принёс поленце. Тогда она, отмерив пядью, сказала: «Отруби вот этот утинок (обрубочек) от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойдди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем будет ткаться полотно для него». Слуга принёс к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришёл и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна, за то малое время, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушёл и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Пётр, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И уже скоро не чувствовал

никакой болезни. Наутро глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять её в жёны из-за происхождения её, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Пётр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струнья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому её, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твёрдое слово дал ей, что возьмет её в жёны. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему. Он же, быстро исцелившись, взял её себе в жёны. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чём не преступая Божий заповеди. По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Пётр после брата своего стал самодержцем в городе своём.

Бояре, по наущению жён своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему, Бог же прославил её ради доброго её жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз,— говорил он,— окончив трапезу, не по чину из-

за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Пётр, желая её испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Пётр взял Февронию за руку и, разжав её, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он её больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала жёнами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный же Пётр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать, и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая Божий дар святой Февронии исцелять. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Пётр властвовал над нами, а жёны наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего не попросите - получите. Теперь я

вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Коли сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Пётр не захотел нарушить Божьих заповедей ради царствования в жизни этой, он по Божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди Божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода

или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Пётр и задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, Творец и Заступник всех, не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем готовили ужин. И повар обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвой». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвой.

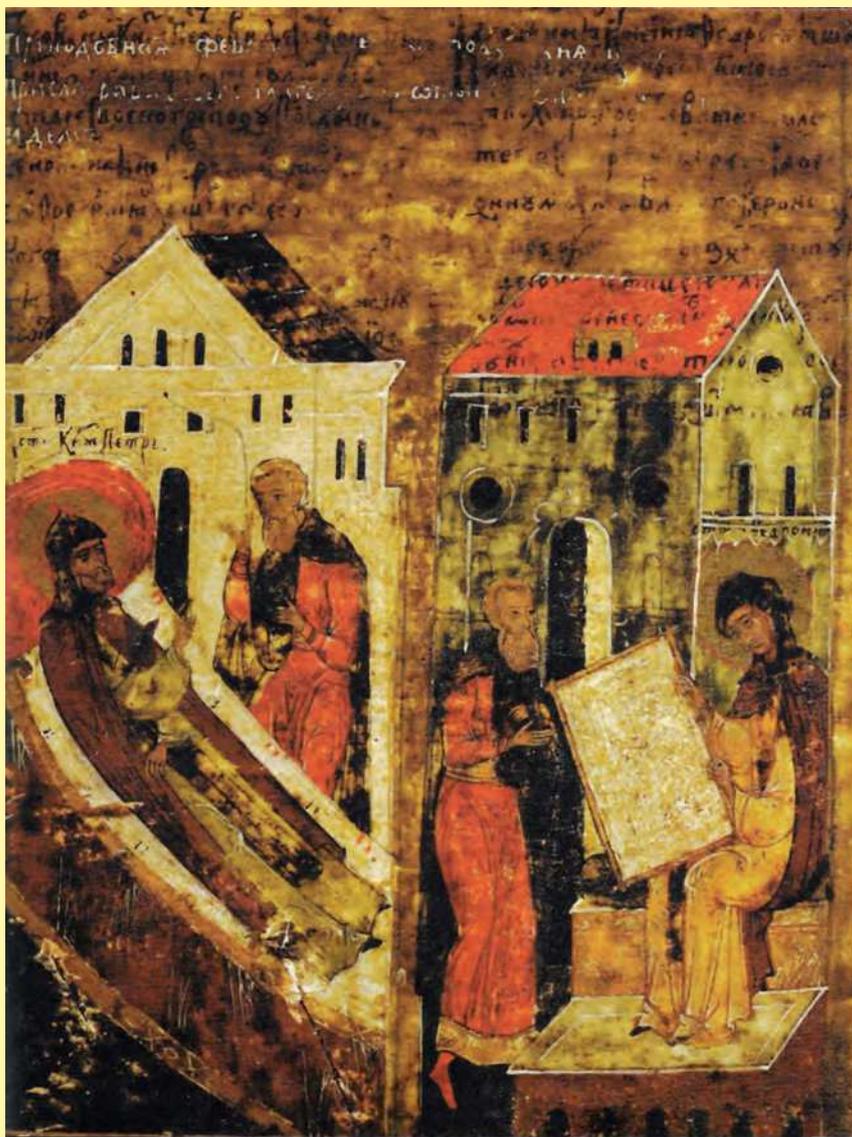
И вот когда люди собрались грузить с берега на судна пожитки, то пришли вельможи из города Мурома, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распре друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала жёнами нашими, но теперь, со всеми домочадцами своими, мы рабы ваши и хотим, что-

бы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»»

Блаженный князь Пётр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления Господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели Божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не наёмниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли. Приспело время благочестивого преставления их, и умолили они Бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Пётр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время когда преподобная и блаженная Феврония, вышивала лики святых на воздухе* для соборного храма Пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Пётр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую цер-

* покрывало для богослужения

Икона «Святые благоверные князь Пётр и княгиня Феврония Муромские, с житием». 1618 год. Муромский музей.

Клеймо 23. Святой князь Пётр посылает к святой княгине Февронии слугу с вестью о приближении своей смерти.

Святая княгиня Феврония вышивает воздух.

ковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого лик уже вышила, а мантию ещё не докончила: и остановилась, и воткнула в воздух иглу свою и замотала вокруг неё нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, что умирает вместе с ним. И, помолвившись, отдали они оба святые свои души в руки Божии в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви Пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста, говоря, что, так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб.

И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви Пресвятой Богородицы, а тело святой Февронии положили в её гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме Пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви Пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Фев-

ронии пытались их разлучить: разъединили и опять переложили их в отдельные гробы. Но и на утро следующего дня святые оказались в едином гробе. И после этого уже не смели их трогать, а святые тела их были погребены возле городской соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им. Радуйся, Пётр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летающего свирепого змея! Радуйся, Феврония, ибо в женской главе твоей мудрость святых мужей заключалась! Радуйся, Пётр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Пётр, ибо, ради заповеди Божьей не оставляя супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословию за одну ночь маленькие деревца выросли большими покрытые ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память! Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал

о вас, не ведая — писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на Божию благодать и на щедроты Его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венцами Владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с Безначальным его Отцом и с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Братья и сестры, мужи и жены!

Возблагодарим же Господа, яве показавшего нам на примере благочестивых супругов Петра и Февронии, что семейное счастье прочно только тогда, когда оно построено на камне православной веры, опирается на крепкие стены заповедей и обетовании Божиих и покрывается сенью Креста Христова. И когда во всех наших делах будет присутствовать любовь, да благословит Господь Бог — Альфа и Омега — начало и конец всему мирозданию — нашу жизнь и нашу смерть во славу Пресвятого имени Своего.

А пособникам семейного благополучия и благочестия святым Петру и Февронии, Муромским и всея России чудотворцам, во умилении сердец помолимся:

Тропарь, глас 8:

Яко благочестива́го ко́рене пречестна́я отрасль была еси́, до́бре во благоче́стии пожив, блаже́нне Пётре, также и с супру́жницею твоёю, премудо́рою Февро́ниєю, в ми́ре Бо́гу угоди́вше и преподобных жити́ю сподо́бистесь. С ни́миже моли́тесь Го́сподеви сохра́нити без вреда́ отечество ва́ше, да вас непреста́нно почита́ем.

Кондак, глас 8:

Ми́ра сего княже́ние и славу вре́менну помышля́я, сего́ ра́ди благоче́стно в ми́ре пожи́л еси́, Пётре, купно и с супру́жницею твоёю премудо́рою Февро́ниєю, ми́лостынею и моли́твами Бо́гу угоди́вше. Те́мже, и по сме́рти неразлу́чно во гробе лежа́ще, исцеле́ние неви́димо подава́ете, и ны́не Христу моли́тесь сохра́нити град же и лю́ди, иже вас сла́вящих.

Величание

Ублажа́ем вас, святы́и чудотво́рцы Пётре и Февро́ние, и чтим святу́ю па́мять ва́шу, вы бо мо́лите за ны Христа́, Бога́ на́шего.

Икона «Святые благоверные князь Пётр и княгиня Феврония Муромские, с житием». 1618 год. Муромский музей.

Средник. Двойной образ Муромских Чудотворцев - один из самых проникновенных в иконографии благоверных супругов, святых Петра и Февронии.

Юрий Рязанов

Поэма «Сказание о Петре и Февронии»
Житие преподобных князя Петра и княгини
Февронии Муромских чудотворцев

Иллюстрации **Владимир Хомутов**

Библиотека журнала «Вверх»
vverkh.rf

Издано:
Фонд поддержки развития общества «Наши дети»
Адрес: 121609, Москва, Осенний бульвар, 23.

Тираж: 20 000 экз.

По вопросам приобретения
и распространения просим обращаться
портал VVERKH.RF
e-mail: plishkin@mail.ru
Тел.: +7(495)781-37-09

